

Л. Л. Мельникова

«Я — ИЗ ВТОРОГО БЛОКАДНОГО НАБОРА...»

Л. Коротеева. 1945 г.
Фото из личного архива
М. М. Мельникова

Людмила Леонидовна Мельникова (Коротеева) (1934–2001) — выпускница ЛГХУ 1952 г. (педагог М. Ф. Романова), артистка Театра оперы и балета им. С. М. Кирова (1952–1974), педагог классического танца Академии Русского балета имени А. Я. Вагановой (1974–2001).

Я стала ученицей Ленинградского государственного хореографического училища 14 сентября 1943 года. Приказ о зачислении второго блокадного набора детей до сих пор хранится в Академии.

Кто не жил в то время в Ленинграде, тот не может до конца понять, что такое война и блокада. Развалины домов, бомбежки, летящие осколки снарядов, темнота, голод и пронизывающий холод... чтобы вся трагедия блокадного времени дошла до глубины человеческого сердца, надо рассказывать об этом подробно. Мои же воспоминания — о том, как я попала в хореографическое училище.

8 сентября 1941 года после первой бомбежки у нас в комнате вылетели стекла. Два окна закрыли, чем возможно, но в щели все равно проникал холодный воздух... Бомбежки и надвигающийся голод! Олицетворение той жизни я увидела позже на выставке произведений Ильи Глазунова. На одной из картин изображена пожилая женщина, старуха; иссохшее лицо, кости, обтянутые «пергаментной» кожей; безысходность отчаяния в огромных глазах. Распатанными от цинги зубами женщина до боли прикусила руку. Картина называется «Голод». На другом полотне художник изобразил бесконечность снежного поля, безлюдную пустыню, по которой пробираются две маленькие фигурки — старая женщина и ребенок. Мотив пронзительный до слез. Не все в творчестве И. Глазунова меня привлекает. Но эти две картины — истинное. Глазунов был в блокадном Ленинграде...

В 1941 году я ходила в детский сад. Какими самоотверженными были наши воспитатели, спасавшие нас! Память сохранила несколько эпизодов. Однажды во время бомбежки мы, дети, находились на застекленной веранде. Мне стало плохо. Я прилегла на диван, стоявший напротив окон. Где-то рядом разорвался снаряд, однако подняться и уйти я уже не могла. Воспитательница Розалия Ивановна схватила меня на руки и вынесла в соседнюю комнату, лавируя среди летящего битого стекла и осколков снарядов...

Наши воспитательницы изобретали для нас игры. Так как игрушек было очень мало, мы их делали из бумаги сами к Новому году.

Во дворе детского сада была аллея — кусты жасмина и жимолости. Вот их-то мы и украсили самодельными новогодними игрушками. Шарики мы делали из снега. «Снежки» быстро окунали в разведенные акварельные краски (все это происходило во дворе, замораживали на террасе детского сада, а наши воспитательницы раскладывали на ветках кустов. Когда светило солнце, шарики ослепительно блестели. Эти «игрушки» не таяли, зима 1941–42 годов была очень суровой. Мороз доходил до минус сорока...

По безмолвным улицам шли на работу люди. Их было мало. Но им было легче, чем неработающим: у них была цель, чтобы жить, и рабочая карточка, а значит — чуть больше хлеба. Те же, кто не работал, зачастую умирали первыми... чтобы можно было пройти по темным улицам, каждому ленинградцу выдали круглое «зеркальце». Оно было покрыто фосфорической краской, прикреплялось к пальто, в темноте мерцало сиреневатым светом. Случалось, этот слабый огонек двигался навстречу и вдруг исчезал. Означало это одно: человек упал. Если не было помощи, наступала смерть.

Город без воды, без канализации; горы нечистот во дворах. От эпидемии нас спасли только невероятные холода. За водой мы ходили с отцом, Леонидом Анисимовичем Коротеевым (он был инвалидом, поэтому его в армию не призвали). Мы шли от улицы Введенской к проспекту Добролюбова и далее к Петропавловской крепости, где была прорубь. На саночках везли два литровых бидона. У людей не хватало сил вытащить из проруби даже маленький бидончик, наполненный водой. Вода выливалась, замерзала, и постепенно края проруби становились высокими и очень скользкими. Случалось, что обессиленные взрослые люди тонули: бидон с водой утаскивал их под лед... Весной 1942 года, когда растаял на Неве лед, по реке поплыли трупы.

Деньги не имели никакой цены. На рынке только за одежду можно было выменять какие-то скудные продукты, но часто обманывали. Однажды папа принес домой кулечек муки (граммов 200), оказалось, что в нем мука была только на поверхности, остальное — толченые кости. Чьи? В городе были случаи каннибализма.

Весной мы с папой ходили ловить рыбу. Когда появилась трава, листья на деревьях, бабушка рассказывала мне, что может быть съедобным.

Л. Л. Мельникова (Коротеева). 2000 г.
Фото из личного архива М. М. Мельникова

Л. Коротеева (Огневушка).
Балет «Каменный цветок». 1957–1958 гг.
Фото из архива АРБ имени А. Я. Вагановой

Листочки жасмина пахли свежим огурцом, цветы акации напоминали горох, сладковатыми были плоды боярышника. Из крапивы и лебеды варили супы (вода и трава — ничего больше).

В 1942 году от истощения умер мой дядя (он работал в финансово-экономическом институте и, пока мог, нас подкармливал). А в 1943 году умерла бабушка. Нас осталось четверо. Сестра Ольга ходила в школу. Отец (художник-модельер по обуви) во время войны работал в мастерской по пошиву обмундирования для генералов и офицеров. Мама служила медсестрой в госпитале. Иногда, мы, дети, выступали там перед ранеными: кто пел, кто танцевал, кто читал стихи. Этому мы научились в детском саду.

Однажды мы с мамой дошли до Театра музыкальной комедии, где прочитали сообщение о концерте артистов, оставшихся в Ленинграде. Концерт начинался минут через де-

сять. Для меня, блокадной девочки, то, что происходило на сцене, было невероятным чудом. Во-первых, электрический свет. После каждодневного мрака в доме и на улицах это было потрясающе! Блеск украшений, разноцветье костюмов артистов, музыка, танцы, пение — все несло энергию давно забытой радости. Я запомнила стройные ноги артистки в серебряных туфлях на высоких каблуках. Мы же знали только сапоги и валенки. Обладательница этих ног и туфель вихрем носилась по сцене в роскошном костюме. Возможно, это была примадонна музыкальной комедии Нина Васильевна Пельцер. В зале мы сидели в пальто, валенках и варежках, помещение не отапливалось. А на сцене, видимо, царило жаркое лето какой-то неизвестной мне страны, где были мир и счастье!

Концерт окончился, как мне показалось, внезапно. Так хотелось продолжения! Возникло острое желание танцевать на сцене. Там же, в Театре музкомедии, мы узнали о наборе в балетное училище и через несколько дней пошли на улицу Зодчего Росси, 2. Комиссия не была строгой. Отбирали «за личико», внешний вид играл решающую роль. Физические способности многих, как я теперь понимаю, оставляли желать лучшего. В наш класс поступило двадцать три человека (семнадцать девочек и шестеро мальчиков), а окончили — четверо: Татьяна Легат,

Татьяна Удаленкова, Людмила Коротеева (ныне Мельникова, автор этих строк), Александр Грибов.

В училище был открыт только 3-й зал на третьем этаже. Там мы занимались классикой, историко-бытовыми танцами, музыкой. Направо от дверей стояла круглая железная печь. Топил ее высокий седовласый мужчина Степан Христофорович (Кравченко — как сейчас я узнала из архивных документов). Он же был комендантом училища и бомбоубежища. Однажды на уроке классического танца я сделала *grand battement jeté* (была в валенках); валенок слетел с моей ноги, попал на печку. Явился Степан Христофорович с лестницей, и валенок был снят. В воспоминаниях Матильды Кшесинской и Тамары Карсавиной есть такой эпизод: дети, занятые в вечернем спектакле, бывало, засыпали в карете, пока их везли из Мариинского театра в училище; из кареты до дортуара малышей нес черноволосый красавец гайдук Степан. В архиве Академии упоминается только один человек с таким именем и отчеством — значит, это был наш Степан Христофорович. Многие поколения учащихся его помнят.

До возвращения училища из Перми в школе на улице Росси существовало только два класса: наборы 1942 и наш — 1943 года. Общеобразовательными предметами мы занимались в помещении третьего этажа, направо от лифта (тогда он не работал). Сейчас в бывшем нашем классе располагается раздевалка для девушек-старшеклассниц. Дальше — помещение столовой, но столовая не работала. Мы приносили в школу с собой кто что мог: ломтик хлеба, «дуранду» — твердый кусочек кукурузного жмыха. Позже нас водили в столовую Дворца пионеров. Там нам давали суп «из хряпы» (темные листья капусты), кашу-размазню серого цвета, иногда — соевое молоко.

Но вернусь в здание на улице Росси, на третий этаж. Поворот налево — наш 3-й зал. Затем — кабинет естествознания, его у нас вела Павла Николаевна Воскресенская. От кабинета естествознания направо, в небольшом коридоре размещались костюмерная и гардероб. Русский язык преподавала Мария Николаевна Кедринская; арифметику — Ярослав Владимирович Вербовский; французский — Евгения Брониславовна Пиотровская; было у нас и рукоделие, мы вязали и шили кисеты для раненых.

Историко-бытовой танец вел Н. А. Иосафов. Моим первым педагогом классического танца стала Любовь Ипполитовна Ярмолович (ученица А. Я. Вагановой). Она же учила и предыдущий набор, где в основном были детдомовские дети. Их быт был суровее нашего. Ярмолович старалась в этих экстремальных условиях вложить в своих учениц любовь и уважение к профессии. Замерзшие дети приходили в ватниках и пальто. Но, немного разогревшись, пальто снимали, чтобы вид соответствовал статусу «балетных». Специальные туфли и платьица шила нам тетя Лора (она числилась гардеробщицей и заодно костюмершей). Фасон платья был один для всех классов, от 1-го до 6-го. Мое платье (впоследствии я отдала его в музей Академии) было сшито из белой бязи. Рукав-фонарик на резинке. Передняя часть декольтированного лифа присборена резинкой и стягивалась шнуром, а задняя, с открытой спиной, застегивалась на пуговицы и для плотного облегания тоже стягивалась шнуром. Юбочка состояла из двух частей — длиной

кокетки до бедра, присборенной на талии, к которой пришивался широкий волан. Талию подчеркивал пояс, который сзади застегивался на две пуговицы. Старшие девушки занимались в хитонах.

Мы были очень обессилены голодом, холодом, бомбежками и, конечно, очень малы, чтобы вполне понять подвижничество блокадного педагога, но старались изо всех своих небольших сил. Любовь Ипполитовна не только учила нас в классе, но и ставила концертные номера, с которыми мы выступали в госпиталях. Таким образом, мы трудились для фронта, и у нас появились рабочие и дополнительные продовольственные карточки.

В конце года состоялся экзамен. Из 1/2 класса (1-го по классике, 2-го по общеобразовательным предметам) мы перешли во 2/3 класс. Первые три года полагалось учиться у одного педагога. Это был законченный цикл обучения в младших классах.

В комиссию вошли: директор училища Лидия Семеновна Тагер, педагоги Вера Сергеевна Костровицкая и Анна Петровна Бажаева.